

Генеральная Ассамблея

Пятьдесят пятая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
2 February 2001
Russian
Original: French

Шестой комитет

Краткий отчет о 18-м заседании,

состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в пятницу, 27 октября 2000 года, в 15 ч. 00 м.

Председатель: г-н Суемат ..... (Иордания)
затем: г-н Полити ..... (Италия)

Содержание

Пункт 159 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации *в течение одной недели с момента опубликования* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza) и включаться в экземпляр отчета.

Поправки будут издаваться после окончания сессии в виде отдельного исправления для каждого Комитета.

Заседание открывается в 15 ч. 10 м.

Пункт 159 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят второй сессии (продолжение) (A/55/10)

1. **Г-н Керма** (Алжир) приветствует достигнутый Комиссией международного права прогресс по вопросу об ответственности государств, который весьма важен для гармонизации международных отношений и представляет собой одну из основополагающих областей современного международного права. Действительно, кодификация норм, касающихся ответственности государств, имеет решающее значение в качестве альтернативы применению силы как средства разрешения споров между государствами и является наилучшим способом гарантировать поддержание международного мира и безопасности. Более того, по мнению алжирской делегации, укрепление системы ответственности государств служит упрочению мира.

2. Вопрос о контрмерах, составляющий существо рассматриваемых проектов статей, сложен и противоречив. В этой связи делегация Алжира уже проявляла определенную сдержанность по поводу его включения в проекты статей, поскольку она опасается допускать в межгосударственных отношениях возможность режима, равноценного режиму санкций, что позволило бы некоторым государствам, как правило, самым могущественным, самостоятельно восстанавливать прежнее положение на том основании, что оно было, якобы, нарушено неправомерным деянием. Такая постановка вопроса, порожденная практикой некоторых государств, особенно наиболее могущественных, не может претендовать на универсальность и, следовательно, на кодификацию в качестве нормы международного права, если при этом не предусмотреть самые серьезные меры предосторожности.

3. Поэтому действие, которое привело бы к кодификации правового режима контрмер, предпринятое без учета фактического неравенства, существующего между государствами, даже если его цель заключается в прогрессивном развитии международного права, могло бы стать правовой санкцией на то, что является, по меньшей мере, сомнительной практикой. Фактически может возникнуть вопрос о том, не будет ли такая кодификация способствовать легитимизации использования контрмер в качестве орудия для осуществления некоторыми державами индивидуальных принудительных действий. Хотя Алжир никогда и не оспаривал существование в международной практике нормы международного права, позволяющей государству не соблюдать правовое обязательство по отношению к другому государству, совершившему против него противоправное деяние, он в то же время выражал озабоченность по поводу условий, в которых такие контрмеры могут применяться.

4. В связи с этим алжирская делегация приветствует содержание нового проекта статьи 51, озаглавленной "Обязательства, не затрагиваемые контрмерами", где перечислен ряд обязательств, отступление от которых в результате контрмер невозможно. Речь идет о таких обязательствах, как: обязательство воздерживаться от применения силы, обязательства по защите основных прав человека и обязательства гуманитарного характера, запрещающие любую форму репрессий, а также обязательства уважать неприкосновенность дипломатических и консульских агентов, помещений, архивов и документов. Таким образом, согласно этому проекту статьи, запрещаются все контрмеры, нарушающие эти обязательства. Однако, по мнению алжирской делегации, данный проект статьи также должен с полной определенностью запрещать все контрмеры, могущие подрывать суверенитет, независимость и территориальную целостность государств. Более того, вызывает удовлетворение, что применение контрмер обуславливается нормами и правилами, изложенными в некоторых положениях проектов статей, касающихся, соответственно, применения контрмер (проекты статей 53 и 55), принципа соразмерности и процедур урегулирования споров.

5. Когда какое-либо государство совершает противоправное деяние, потерпевшее государство может добиваться прекращения этого деяния и требовать соответствующего возмещения. Именно в этом случае

начинает действовать принцип соразмерности; этот принцип, совершенно определенно закрепляемый в проекте статьи 52, должен применяться только в той степени, в которой это соизмеримо с необходимостью обеспечить, чтобы совершившее противоправное деяние государство выполнило свои обязательства. Действительно, контрмеры должны быть соизмеримы с нанесенным ущербом и не могут превышать необходимый уровень. Что касается коллективных контрмер, то алжирской делегации трудно согласиться с тем, что право принимать контрмеры может быть делегировано группе государств, действующих вне каких-либо институциональных рамок, как это, видимо, предусматривается в докладе Комиссии. Этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения и более глубокого анализа.

6. Что касается главы V части первой, содержащей проекты статей об обстоятельствах, исключающих противоправность, то Алжир полностью разделяет выраженные Комиссией мнения и поддерживает исключение пункта 4 из статьи 42 о судебном преследовании, поскольку в международном праве трудно представить себе наличие таких последствий для государств.

Ряд проектов статей о контрмерах, по-видимому, в целом соответствуют подходу, основанному на разной способности государств принимать такие меры. Алжирская делегация в целом поддерживает положения этих проектов статей, которые характеризуются тенденцией ограничить свободу действия государств в области контрмер.

7. Эти проекты статей предусматривают, что принимающее контрмеры потерпевшее государство должно выполнить свои обязательства по урегулированию спора в соответствии с частью третьей или прибегнуть к любой другой обязательной процедуре урегулирования спора, действующей между соответствующими государствами. Оратор выражает удовлетворение по поводу подхода Комиссии к использованию некоторых средств урегулирования международных споров в связи с принятием контрмер. Цель заключается фактически в том, чтобы во всех случаях предпочтение отдавалось принципу мирного урегулирования международных споров. Однако, помимо обязательных процедур урегулирования споров, установленных в обязывающих правовых документах, которые могут быть применены к сторонам спора, решающим фактором применения любых способов урегулирования спора остается согласие на это государств, и в этом отношении позиция Алжира близка к позиции Комиссии. В любом случае вопрос о том, включать или не включать тему урегулирования споров в проекты статей будет зависеть от окончательной формы этих проектов; высказываемые мнения по этому вопросу все еще характеризуются весьма большими расхождениями.

8. В заключение г-н Керма подчеркивает, что контрмеры должны играть позитивную и конструктивную роль, так как их цель должна заключаться только в прекращении противоправного деяния, в восстановлении соблюдения международного права и возмещении нанесенного ущерба, и они не должны иметь такие последствия, которые могут создать угрозу международному миру и безопасности. Комиссия проделала большую и важную работу по теме ответственности государств, однако она должна еще рассмотреть целый ряд остающихся вопросов, таких как определение потерпевшего государства, прежде чем ее многообещающая работа будет успешно завершена

9. Г-н Хмуд (Иордания) отмечает, что рассматриваемый текст намного удачнее того, который был принят в первом чтении в 1996 году. Он лучше по своей структуре, не так сложен по форме и отличается большей последовательностью. Кроме того, в нем удалось уйти от спорных вопросов, которые не обязательно должны входить в рамки проектов статей об ответственности государств. Более того, он сконцентрирован на последствиях международно противоправных деяний, а этот вопрос в первом чтении отличался неясностью и вызывал проблемы.

10. Иорданская делегация приветствует исключение прежнего проекта статьи 19, в которой проводилось различие между гражданской и уголовной ответственностью государств в международном праве, что вызывало полемику относительно понятия международных преступлений. Более того, поскольку в ней содержались примеры международных преступлений, прежний проект статьи 19 приводил к возникновению идеологического конфликта, и принятие государствами этого понятия могло ставиться в зависимость от политических соображений.

11. Включение в часть вторую новой главы III, озаглавленной "Серьезные нарушения обязательств перед международным сообществом в целом", отражает разумный подход, позволяющий избежать недостатков

прежнего проекта статьи 19 и обеспечивающий при этом применение специального режима ответственности государств за серьезные нарушения обязательств *erga omnes*. Однако концепция уголовной ответственности государства в некоторой степени присутствует в проектах статей, принятых во втором чтении. Понятие штрафных убытков сохранено в пункте 1 нового проекта статьи 42, где говорится об убытках несущего ответственность государства, отражающих "тяжесть" нарушения.

12. Хотя делегация Иордании согласна с тем, что концепцию государственных "преступлений" не следует обсуждать в связи с принятием проектов статей об ответственности государств, она приветствует тот факт, что концепция *actio popularis* предусматривается в проектах статей, включая обязательства, изложенные в пункте 2 статьи 42. Этому способствовало ставшее важным сдерживающим фактором коллективное реагирование международного сообщества государств на серьезные нарушения обязательств перед ним, соблюдение которых существенно с точки зрения его основных интересов. Кроме того, это поощряет прекращение противоправного деяния и способствует реализации искомых форм возмещения. Иорданская делегация уже отмечала, что коллективное реагирование государств не следует понимать как дублирование мер принуждения, предусмотренных в Главе VII Устава Организации Объединенных Наций и относящихся к прерогативам Совета Безопасности в области поддержания международного мира и безопасности. Проект статьи 59 обеспечивает адекватные гарантии в этом отношении.

13. Определение потерпевшего государства, принятое при первом чтении проектов статей, вызывало путаницу между правами потерпевшего государства и правами государств, не обязательно потерпевших в результате совершения международно противоправного деяния, однако законно заинтересованных в выполнении нарушенного обязательства. Это, в частности, применимо в случае нарушения обязательств *erga omnes* и "права" заинтересованных государств ссылаться на ответственность государства, совершающего противоправное деяние, исходя из позиции Международного Суда по делу *Barcelona Traction*. Включение во второе чтение проектов статей новой части (части второй-бис) представляет собой интересную попытку Специального докладчика установить различие между правами потерпевших государств и иных, "не потерпевших" государств, имеющих правовой интерес в исполнении обязательств. Однако иорданская делегация полагает, что новые проекты статей не содержат адекватного различия между концепцией государства, "потерпевшего" в результате того, что нарушение обязательства "носит характер, отражающийся на пользовании правами или на выполнении обязательств всех соответствующих государств" и концепцией "не потерпевшего" государства, имеющего коллективный интерес в нарушенном обязательстве. На практике возникнут проблемы, связанные со способностью государства ссылаться на ответственность другого государства, особенно в случае нарушения многосторонних обязательств. Следует более четко определить порог, позволяющий государству ссылаться на ответственность в качестве потерпевшего государства в случае нарушения обязательства перед ним в отдельности или обязательства перед международным сообществом.

14. После дела *Barcelona Traction* широко обсуждался вопрос об обязательствах перед международным сообществом в целом, в которых все государства имеют правовой интерес. Хотя в проектах статей об ответственности государств выделена концепция уважения обязательств *erga omnes* и предусмотрено применение этой концепции, во-первых, путем ссылки на ответственность государств и, во-вторых, путем применения режима контрмер, в международном праве эти обязательства все еще недостаточно четко определены. Хотя определение, вероятно, не является целью проектов статей об ответственности государств, правоведы, тем не менее, должны постараться кодифицировать эти обязательства, чтобы избежать проблем, связанных как с их определением, так и со способностью ссылаться на ответственность.

15. По мнению иорданской делегации, уже пришло время кодифицировать правовой режим контрмер. Хотя подход к этому вопросу, принятый Специальным докладчиком во втором чтении проектов статей, является творческим и прогрессивным, он не обязательно снижает правовую значимость этого режима. Напротив, это необходимо для предоставления гарантий суверенитета более слабому государству перед лицом политических контрмер, не имеющих определения и не являющихся беспристрастными. Более того, режим контрмер не должен рассматриваться как посягательство на полномочия Совета Безопасности согласно Главе VII Устава Организации Объединенных Наций. Проект статьи 59 должен обеспечивать необходимые гарантии в этом отношении при появлении у кого-либо сомнения относительно того, что эти два режима мер частично перекрывают друг друга. На самом деле контрмеры могут быть необходимыми для обеспечения того, чтобы

совершающее международно противоправное деяние государство прекращало это свое деяние и возмещало нанесенный ущерб.

16. Иногда высказывается мнение о том, что проекты статей о контрмерах являются "карательными". В этом отношении следует указать, что режим контрмер или репрессалий, не связанных с применением силы, уже предусмотрен в международном праве с целью получения репараций от несущего ответственность государства и для обеспечения возвращения к положению законности. Поэтому до тех пор, пока целью контрмер является обеспечение уважения обязательств, их "описание" не является существенным. Более того, проекты статей содержат все необходимые гарантии для обеспечения законности принимаемых мер и эти гарантии далеко выходят за пределы прецедентного права в отношении контрмер. Однако делегация Иордании хотела бы высказать некоторые замечания по вопросу о контрмерах, которые, как она полагает, будут приняты во внимание Комиссией во втором чтении.

17. Чрезмерные или несоизмерные меры "дают право" несущему ответственность государству прибегнуть к ответным контрмерам. Такая ситуация вполне может сложиться, и следует тщательно рассмотреть последствия таких контрмер, включая эскалацию и возможное применение силы. Проект статьи 54 вводит новую концепцию коллективных контрмер, которая в определенном смысле следует концепции законной коллективной самообороны. Хотя принятие коллективных мер в соответствии с концепцией инициативы, предпринимаемой по просьбе и в интересах "потерпевшего государства", является приемлемой, необходимо более тщательно изучить вопрос о возможности разрешать "любому" государству применять контрмеры против виновника серьезного нарушения существенных обязательств перед международным сообществом. Трудно предусмотреть, каким образом может соблюдаться принцип соразмерности, если "любому" государству будет позволено принимать контрмеры по своему усмотрению. Кроме того, такие контрмеры вполне могут привести не к восстановлению законности, а к провоцированию эскалации. Наконец, обязательство принимающих контрмеры государств сотрудничать, "насколько это возможно", не имеет четкого определения, что, конечно же, поставит под сомнение законность их действий, не позволяя удерживать контрмеры в их правовых рамках.

18. Делегация Иордании надеется, что Комиссия закончит свою работу по вопросу об ответственности государств и завершит второе чтение к концу своей следующей сессии в 2001 году. Что же касается формы, которую должны иметь эти проекты статей, то его делегация будет выступать за проект конвенции, при условии, что во внимание будут приняты только что высказанные соображения.

19. **Г-н Грасселли** (Словения) говорит, что он остановится главным образом на главе IV доклада Комиссии, посвященного ответственности государств. Решение Комиссии включить в свой доклад еще не одобренные официально тексты проектов статей должно способствовать своевременному завершению работы над ними.

20. Что касается структуры, то из проекта 1996 года была полностью исключена часть третья, исходя из предположения о том, что проекты статей не будут иметь форму конвенции. Делегация Словении считает, что на нынешнем этапе работы можно приостановить разработку всеобъемлющей системы урегулирования споров, однако сейчас еще слишком рано решать, какую форму будут иметь проекты статей. Однако, если будет принято решение в пользу формы международной конвенции, тогда необходимо будет установить систему урегулирования споров.

21. Кроме того, при включении контрмер в часть вторую-бис, контрмеры нельзя будет принимать, если спор добросовестно представлен на рассмотрение компетентному суду или трибуналу, – предпочтительно решение спора посредством его урегулирования. Единственной статьей из части первой, представленной Комиссией Редакционным комитетом, является статья 23, и делегация Словении приветствует ее включение, которое является вполне обоснованным.

22. Делегация Словении в принципе согласна с концепцией полного возмещения, зафиксированной в статье 31. Новый пункт 2 касается "материального или морального" вреда, однако трибуналы с осторожностью подходят к нематериальному вреду, а столь общее положение, не содержащее краткого определения, не предлагает им какого-либо разъяснения. Более того, вызывает сомнение, то применима ли сама эта концепция морального вреда ко всем формам возмещения, а именно к реституции, компенсации и сатисфакции. В

статья 31 не принимается во внимание вид нарушения обязательства. По закону, если несущее ответственность государство обязано предоставить возмещение, ответственность, а следовательно и возмещение будут различаться в зависимости от того, совершено ли противоправное деяние преднамеренно или в силу небрежности, и это должно быть учтено в этой статье.

23. Словения исходит из того, что в статье 36, в соответствии с которой государство, ответственное за международно противоправное деяние, обязано обеспечить реституцию в том случае, когда – и в том объеме, в каком – такая реституция "не является материально невозможной", причем выражение "не является материально невозможной" охватывает те случаи, когда полная реституция лишит несущее ответственность государство его средств к существованию. Что касается статьи 34, то представитель Словении хотел бы включить общее положение, налагающее обязательство *erga omnes* на несущее ответственность государство, в состав общих принципов, содержащихся в главе I части второй. Нет сомнения в том, что обязательства перед международным сообществом в целом – это такие обязательства, которые возникают из нарушения императивных норм международного права. Тот факт, что конкретное содержание этих норм не имеет определения, не препятствует их включению в качестве общего принципа. На практике же общего принципа будет недостаточно. По этой причине проекты статей должны охватывать самые основные обязательства перед международным сообществом в целом и самые серьезные нарушения этих обязательств. Словения осознает проблемы, возникающие в связи с понятием международного преступления как категории международно противоправных деяний, и не желает возвращаться к обсуждению различий между преступлением и правонарушением. Напротив, она поддерживает общий подход, которого придерживаются Специальный докладчик и Комиссия. Компромиссный подход и включение серьезных нарушений наиболее существенных обязательств перед международным сообществом в отдельную главу проекта статей позволит найти нужное равновесие. Однако продолжает оставаться нерешенным вопрос о том, как определять серьезные нарушения обязательств. Некоторое определение было включено в проекты статей, которые были приняты в предварительном порядке в 1980 году, и, по мнению Словении, Комиссии следует тщательно рассмотреть этот вопрос.

24. Редакция статей о формах возмещения была более или менее пересмотрена с целью усиления обязательства несущего ответственность государства. Делегация Словении одобряет это решение, но полагает, что здесь следует действовать с осторожностью, поскольку в некоторых случаях необходимо проявлять умеренность. В этом отношении предпочтительно либо сохранить подпункт d) в том виде, в котором он был включен в проект статей 1996 года, где предусматриваются ситуации, когда реституция серьезно подорвет экономическую стабильность несущего ответственность государства, или, по крайней мере, точно указать, что исключенный подпункт покрывается новым подпунктом b).

25. В статье 39 предусматривается выплата процентов, какой бы ни была форма возмещения. Сатисфакция, однако, представляет собой главным образом выражение сожаления и признание нарушения исключительно по поводу ущерба, который не поддается экономическому количественному выражению, а поэтому логично, что она должна быть исключена.

26. Делегация Словении поддерживает принятый Комиссией подход, состоящий в том, чтобы не давать слишком широкого определения потерпевшего государства и не проводить различия между собственно потерпевшими государствами и теми, которые, не являясь непосредственно потерпевшими, имеют правовой интерес в выполнении обязательства. В статьях, касающихся ссылки на ответственность и основанных на положениях Венской конвенции о праве международных договоров, излагаются процедуры и устанавливаются четкие правила по этому вопросу. Деятельность Комиссии в области дипломатической защиты позволит разработать правила, которые могут применяться к вопросам гражданства требований и исчерпанию местных средств правовой защиты. Делегация Словении придерживается мнения о том, что подпункт b) пункта 2 статьи 49, в котором предусматривается, что государство, не являющееся непосредственно потерпевшим, вправе требовать возмещения от имени потерпевшего государства или бенефициаров нарушенного обязательства, является сомнительным, и предлагает исключить из этого пункта слова "потерпевшего государства или".

27. По вопросу о контрмерах Словения полагает, что, хотя этот вопрос следует включить в кодификацию норм об ответственности государств, он отличается от ответственности государств и заслуживает отдельного подхода. Комиссия тщательно рассмотрела этот вопрос, включая право любого государства, при наличии определенных условий, принимать контрмеры в случаях грубых нарушений обязательств. При определенных обстоятельствах, например в случае серьезных и систематических нарушений прав человека, предлагаемые нормы безусловно могут быть оправданы, однако в силу их широкой сферы применения при этом существует опасность появления возможностей для злоупотреблений.

28. Г-н Яковидес (Кипр) напоминает, что еще десять лет назад он заявил, что, хотя ответственность государств сводится прежде всего к ответственности за ущерб иностранцам, в связи с разработкой *jus cogens* и его включением в Венскую конвенцию о праве международных договоров, а также существованием иерархически более высоких норм, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций, под тему ответственности государств было подведено более широкое основание, и теперь признается, в том числе и Международным Судом, что существуют обязательства *erga omnes* и что следует принимать во внимание интересы международного сообщества в целом, а также интересы международного публичного порядка. Комиссия должна обеспечить, чтобы надежды международного сообщества и, в частности, надежды новых государств, возникших после того как были сформулированы классические нормы международного права по этой теме, не оказались напрасными.

29. По мнению делегации Кипра, такая постановка вопроса сохраняет свою значимость. Хотя вполне понятно, что в связи с постоянной эволюцией международного права маятник может качнуться опять к средней позиции, отойдя от крайних и противоречивых положений, следует позаботиться о том, чтобы он не качнулся слишком далеко назад к обычному традиционному подходу, что причинило бы ущерб прогрессивным понятиям, внесенным в право главным образом под влиянием новых независимых государств.

30. В рассматриваемом тексте еще остаются нерешенными некоторые вопросы. Что касается формы, которую должны иметь проекты статей, то делегация Кипра вместе с другими государствами, в частности странами Северной Европы, предпочла бы, чтобы это была форма юридически обязывающей конвенции, подобно таким крупным кодифицирующим инструментам, как Венская конвенция о праве международных договоров, Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву и совсем недавний Римский статут Международного уголовного суда. Эта тема слишком важна, чтобы ей можно было придавать более простую форму, скажем, форму типового закона или декларации. Тем не менее Кипр не исключает любых других альтернатив, при условии, что его основная озабоченность будет учтена. Представитель Кипра напоминает, что его страна неизменно придерживалась той позиции, что все многосторонние правообразующие договоры, заключаемые под эгидой Организации Объединенных Наций, должны предусматривать эффективную, всеобъемлющую, быстродействующую и жизнеспособную систему урегулирования споров, предусматривающую принятие обязательных для исполнения решений на базе основных положений соответствующей конвенции. Такая позиция продиктована как приверженностью Кипра общему принципу равной справедливости в соответствии с законом, так и его национальными интересами в качестве малого государства, которое для гарантии своих законных прав нуждается в беспристрастно и объективно осуществляемой правовой защите.

31. Как и Венгрия, Кипр также придает особое значение созданию эффективного механизма урегулирования споров, что является обязательным условием надежно функционирующего правового режима ответственности государств. Полезность разработки конкретных и четких правил в отношении такого механизма не зависит от возможного решения об окончательной форме текста.

32. По вопросу о контрмерах позиция Кипра сводится к тому, что, если их вообще нужно сохранять, то их объем должен быть ограничен и подробно определен, поскольку сами по себе они могут создавать условия для злоупотреблений за счет более слабых государств. Они должны предусматривать реституцию и возмещение, а не наказание; их применение должно быть объективным и исключающим злоупотребления. Они должны быть подчинены обязательным процедурам урегулирования споров (для чего желательно включить отдельную статью непосредственно после статьи 50, как это предложили страны Северной Европы). Следует также подчеркнуть, что в соответствии с пунктом 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций принятие вооруженных

контрмер запрещено, что стало обычной нормой международного права. Более того, против других норм *jus cogens*, включая основные нормы прав человека, контрмеры применяться не могут.

33. На самом деле, в контексте ответственности государств, как и в других областях международного права, концепцию *jus cogens*, или императивных норм международного права следует разьяснять, а не размывать или игнорировать. К вопросу о согласии, которое в любом случае должно быть выражено свободно, следует подходить с осторожностью, поскольку сама суть понятия *jus cogens* заключается в том, что оно должно сохраняться вне зависимости от соглашения между сторонами, ибо в противном случае это было бы несовместимо с международным общественным порядком. Таким образом, в связи со статьей 20 главы V проекта, озаглавленной "Обстоятельства, исключющие противоправность", Кипр полностью разделяет выраженное делегацией Израиля сожаление по поводу того, что не было сохранено исключение, касавшееся неэффективности согласия в случаях императивных обязательств.

34. В связи с грубыми нарушениями существенных обязательств перед международным сообществом глава III представляет собой компромисс, позволяющий преодолеть содержащееся в статье 19 противоречие, касающееся отличия международных преступлений от правонарушений. Этот компромисс представляется приемлемым, особенно в свете развития понятия индивидуальной уголовной ответственности, как это рассматривается в контексте Римского статута Международного уголовного суда.

35. Кипр считает целесообразным проводить различие между государствами, конкретно потерпевшими от международно противоправного деяния, и прочими государствами, которые имеют правовой интерес в выполнении соответствующих обязательств, но не понесли поддающегося экономическому количественному определению ущерба. Хотя правовой интерес имеет место в случае государств обеих категорий, в государственной практике именно потерпевшее государство имеет право на возмещение.

36. Наконец, кипрская делегация также полагает, что в любом случае, когда реституция не является материально возможной, государство, ответственное за международно противоправное деяние, должно предоставить компенсацию конкретно потерпевшему государству и такая компенсация, помимо основной суммы, должна включать проценты и упущенную выгоду. Поэтому новую статью 39 о проценте следует сохранить.

37. **Г-н Анвар** (Индонезия) считает, что доклад Специального докладчика об ответственности государств и комментарии, одобренные Комиссией международного права, представляют, с учетом замечаний государств, хорошую основу для дальнейшей работы по этой теме. Он напоминает, что результаты этой работы, а именно проекты статей, должны базироваться на общепризнанных принципах международного права.

38. Касаясь контрмер и оставляя за собой право высказаться по этой теме более подробно позднее, представитель Индонезии отмечает, что регулирующие их применение правила пока еще не прописаны достаточно четко в современном праве, а поэтому на них следует ссылаться только в ограниченной степени и в общем плане. Во всяком случае любой спор между потерпевшим государством и государством, несущим ответственность, должен быть урегулирован мирными способами, а не односторонним применением контрмер.

39. Что касается дипломатической защиты, то, по мнению представителя Индонезии, предлагаемый подход, в соответствии с которым действующее в этой области международное право развивалось бы с целью установления прямого признания прав отдельного лица в плане защиты прав человека или признания применения силы в качестве средства, при помощи которого государство может осуществлять дипломатическую защиту, не упрощает работу Комиссии международного права, а осложняет ее. Комиссии следует ограничиться чисто техническими аспектами концепции дипломатической защиты, которые уже регулируются действующими договорами и законами. Обращение к применению силы выходит за рамки обсуждаемого вопроса и скорее является темой, которую следует рассматривать в целом в контексте применения Устава Организации Объединенных Наций. Более того, концепция состояния необходимости и обязанность интервенции гуманитарного характера, которые в этой связи упоминаются Специальным докладчиком, не соответствуют общепринятым принципам международного права и их не следует включать в рамки рассмотрения вопроса о дипломатической защите.

40. Что касается оговорок к международным договорам – области международного права, уже кодифицированной в Венской конвенции 1969 года, – Индонезия поддерживает принятый Комиссией международного права подход, заключающийся в подготовке не нового правового документа, а руководства для государств. Вызывает удовлетворение прогресс, достигнутый Комиссией международного права, которая только что приняла в первом чтении проекты основных положений.

41. В связи со сложностью темы о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, его делегация приветствует достигнутый Специальным докладчиком прогресс в деле разработки пересмотренных проектов статей, уже подготовленных для принятия и учитывающих комментарии государств и членов Комиссии международного права.

42. В заключение представитель Индонезии говорит о том, что большое удовлетворение и благодарность вызывают организуемые Комиссией международного права семинары, приносящие большую пользу студентам, юристам и государственным служащим из развивающихся стран, желающим познакомиться с работой Комиссии и расширить свои познания в международном праве. Он также благодарит государства-члены, оказывающие помощь в финансировании стипендий для участников из менее благополучных стран, что делается из стремления обеспечить равномерное географическое представительство.

43. **Г-н Чаплински** (Польша) выражает удовлетворение в связи с тем, что работа Комиссии международного права по вопросу об ответственности государств почти завершена, и надеется, что ее кульминацией станет принятие международной конвенции под эгидой Организации Объединенных Наций, хотя могут быть приемлемы и иные формы подготовленного текста. Он одобряет общую структуру проектов статей, принятых Комиссией международного права, и хотел бы предложить поправки лишь к некоторым конкретным статьям.

44. По его мнению, проект статьи 13 имеет межвременной характер и его цель сводится к тому, чтобы исключить любую обратную силу в применении ее положений. В противном случае она будет дублировать статью 12. В статью 31 следует внести поправку, включив, если необходимо, ссылку на положения проектов статей, касающиеся предъявленных требований прямо или косвенно потерпевшего государства, с тем чтобы избежать требования компенсации за моральный ущерб, за который возмещение полагается только в форме сатисфакции. Это связано со статьей 40, в которой говорится, что при определении возмещения учитываются факторы, способствовавшие ущербу, в связи с чем возникает вопрос, должен ли иметь место ущерб для признания деяния международно противоправным.

45. Статья 32 о неприменимости внутреннего права имеет большое значение не только для определения ответственности, но и в связи с другими аспектами правовых норм об ответственности государств, включая и источник такой ответственности. Польша толкует это положение как означающее, что нельзя ссылаться на внутреннее право для того, чтобы уклониться от международного обязательства, и считает, что это положение должно быть включено в часть четвертую вместе со статьей 33, которая касается того же вопроса, что и статья 56, и предполагает ссылку на другие нормы международного права применительно к конкретной ситуации. В этой связи можно указать на статью 60 Венской конвенции о праве международных договоров или на другие многосторонние международные конвенции, предусматривающие самостоятельные режимы.

46. Польша соглашается с включением положений о серьезных нарушениях обязательств перед международным сообществом, содержащихся в пункте 1 статьи 41, в которой объединяются институты *jus cogens* и обязательства *erga omnes*; однако это положение неточно отражено в части второй-бис проектов статей. На самом деле не ясно, могут ли требования возмещения в случае обязательств *erga omnes* предъявляться каждым государством или они должны предъявляться международным сообществом в целом. Делегация Польши соглашается с Комиссией международного права в том, что по этому пункту было бы трудно достичь общего консенсуса, однако она, тем не менее, была бы благодарна за разъяснения.

47. Что касается реституции, польская делегация предлагает сформулировать статью 36 таким образом, чтобы речь в ней шла о восстановлении положения, которое существовало бы, если бы противоправное деяние не было совершено, что не обязательно означает, что должна быть осуществлена полная реституция. Действительно, реституцию в полном объеме можно было бы исключить, если представляется, что она станет

чрезмерным бременем для несущего ответственность государства. Поэтому предлагается расширить охват положений подпункта b) статьи 36, чтобы включить в него возмещение по смыслу статьи 37.

48. Представитель Польши приветствует включение в проекты статей положений о контрмерах, к которым он предлагает две поправки. В пункте 5 статьи 53 следует заменить слово "и", соединяющее подпункты a) и b), словом "или", поскольку два предусмотренных условия не обязательно должны выполняться вместе. Соответствующим образом следовало бы изменить и формулировку пункта 4. Серьезные сомнения у его делегации вызывает также формулировка пункта 2 статьи 54. Действительно, в соответствии со статьей 59 обязательства, вытекающие из данных проектов статей, не учитывают Устав Организации Объединенных Наций, по которому исключительное право принимать решение о контрмерах принадлежит Совету Безопасности. Однако в некоторых случаях Совет Безопасности не в состоянии достичь согласия о мерах, которые следует принять при наличии угрозы или нарушения международного мира и безопасности или же в случае, когда один из его постоянных членов использует право вето, чтобы воспрепятствовать принятию тех или иных мер. Более того, некоторые серьезные нарушения международного права (проект статьи 41) не относятся к компетенции Совета Безопасности. По пункту 2 статьи 54 любое государство может прибегнуть к контрмерам после консультации с другими вовлеченными государствами. Хотя такая тенденция и имеет место, она мало отражает общую практику государств. Поэтому, прежде чем данные проекты статей будут приняты в их окончательном варианте, Комиссия международного права должна внести ясность в этот вопрос. Завершая свои замечания по этому вопросу, представитель Польши уточняет, что принимаемые третьими (косвенно потерпевшими) государствами контрмеры должны быть направлены прежде всего на прекращение международно противоправного деяния, а не на получение возмещения для непосредственно потерпевшего государства.

49. В заключение, хотя польская делегация готова согласиться с включением положений о праве отдельного лица ссылаться на положения международного права об ответственности государств, она не совсем уверена, что такой подход не выйдет за рамки существующей практики государств. На самом деле, пункт 2 статьи 34 не содержит ясной трактовки по вопросу о связи между правовыми нормами об ответственности государств и основанными на частном праве исками о возмещении, поданными в национальные суды несущего ответственность государства. С другой стороны, делегация Польши приветствует включение статьи 58 о возможной индивидуальной уголовной ответственности и надеется, что ее применение скоро станет возможным в практике Международного уголовного суда.

50. **Г-н Рогачев** (Российская Федерация) подчеркивает позитивные аспекты доклада Специального докладчика, который стал короче по сравнению с предыдущим вариантом и гораздо более современным по нормативному содержанию. Однако потребуется некоторое время, для того чтобы оценить конкретные практические последствия для межгосударственных отношений ряда положений проектов статей, таких как о контрмерах – прежде всего коллективных, о нарушении обязательств по отношению к международному сообществу в целом и об определении потерпевшего государства.

51. Вполне справедливо то, что контрмерам посвящена отдельная глава, поскольку противоправное деяние не обязательно влечет за собой возникновение права прибегнуть к контрмерам, которые могут быть приняты только в случае, если государство, несущее ответственность за противоправное деяние, отказывается выполнять свои обязательства, вытекающие из его ответственности. Наиболее сложным вопросом в этом отношении является принятие контрмер другими государствами, помимо потерпевшего государства. Неприемлемо, чтобы любое государство принимало контрмеры по просьбе любого потерпевшего государства, поскольку это дало бы великим державам возможность выполнять роль международных полицейских. Единственным исключением являются деяния, о которых говорится в статье 41. Существуют случаи, когда такие отношения между государствами также могут подпадать под юрисдикцию международных организаций, отвечающих за вопросы безопасности. Российская Федерация намеревается представить Комиссии письменные комментарии по этому простому вопросу.

52. Глава III части второй проекта, озаглавленная "Последствия серьезных нарушений обязательств перед международным сообществом в целом", имеет особую важность в связи с распространением действия проектов статей на обязательства государств перед международным сообществом в целом (пункт 1 статьи 34).

Возрастающая глобализация ведет ко все большей взаимозависимости и взаимодействию государств. Однако концепция международного сообщества является слишком широкой; это не правовая концепция. Поэтому вместо того, чтобы говорить о "серьезных нарушениях обязательств перед международным сообществом", было бы предпочтительнее использовать выражение "серьезные международные нарушения". Такие нарушения, в силу их серьезности, должны иметь абсолютно четкое определение. К сожалению, в проекте нет статьи, посвященной определению такого рода правонарушений. То определение, которое попутно дается в статье 41, озаглавленной "Применение настоящей главы", носит слишком общий характер, что открывает возможности для потенциальных злоупотреблений. Было бы полезно использовать с этой целью элементы определения преступления, содержащегося в проекте статьи 19, принятом в первом чтении. Очевидными недостатками определения, данного в статье 41, являются: во-первых, указание на систематичность нарушений. С другой стороны, указание на риск причинения существенного вреда основным интересам, защищаемым соответствующим обязательством, представляется излишним. Глава III посвящена ответственности за тяжкие последствия международно противоправного деяния, а поэтому ее следует озаглавить "Ответственность за тяжкие международные правонарушения...", а не "Серьезные нарушения обязательств...". Соответственно, следовало бы также изменить и название статьи 42, которое должно читаться "Ответственность за тяжкие международные правонарушения". Рассматривая содержание этой статьи, необходимо отметить, что, учитывая бесспорность ответственности государств (обязательство не оказывать помощи несущему ответственность государству путем сохранения создавшейся в результате этого ситуации, по мере возможности, сотрудничать с целью положить конец нарушению), такие обязательства относятся и к ситуациям, являющимся результатом иных видов правонарушений. Кроме того, следовало бы также снять ограничение "по мере возможности" с обязательства сотрудничать. Наконец, обязательство сотрудничать должно распространяться и на меры по обеспечению реализации ответственности государства-правонарушителя.

53. Положения, приведенные в главе V части первой "Обстоятельства, исключаящие противоправность", можно отнести к общим принципам права, поскольку они хорошо известны национальным правовым системам. Однако возникает вопрос в связи со статьей 27, озаглавленной "Последствия ссылки на обстоятельства, исключаящие противоправность", согласно положениям которой такая ссылка не наносит ущерба "вопросу о компенсации за любой материальный вред или убытки, причиненные деянием, о котором идет речь". Однако это положение не должно относиться к таким обстоятельствам, исключаящим противоправность, как согласие, соблюдение императивных норм, самооборона, контрмеры и форс-мажор. В данном вопросе делегация Российской Федерации соглашается с мнением Специального докладчика, высказанным в его втором докладе о том, что вопрос о компенсации возникает только в случаях бедствия или необходимости. На самом деле, в таких случаях было бы точнее говорить не об обстоятельствах, исключаящих противоправность, а об освобождении от ответственности, иначе остается неясность в том, каким образом может возникать вопрос о компенсации.

54. Выработанное в ходе обсуждений название части второй проектов статей является корректным с правовой точки зрения и точно отражающим содержание этой части. Однако название первой статьи части второй "Юридические последствия международно противоправного деяния" расходится с ее содержанием. В этой статье правильно указывается, что последствия возникают именно в силу международной ответственности, а не самого международно противоправного деяния. Касаясь статьи 34, которая определяет объем международных обязательств, охватываемых настоящей частью, представитель Российской Федерации говорит, что после слов "и обстоятельств нарушения" следует поставить точку, поскольку указание в этой статье на бенефициаров, иных, кроме государства, является сомнительным и, как минимум, требует дальнейшего обсуждения этого вопроса и включения такой концепции в статьи 49 и 54.

55. Что касается форм возмещения (глава II части второй), то в статье 37, озаглавленной "Компенсация", содержится слишком широкая интерпретация компенсации, включающая упущенную выгоду, т. е. вызывающую возражения концепцию, которая должна быть предметом отдельной статьи. Сатисфакция (статья 38) может быть определена как специальная форма компенсации в случаях, когда нанесенный ущерб не является материальным, а перечисленные в статье 38 акты (признание нарушения, выражение сожаления, официальное извинение) должны осуществляться независимо от формы возмещения.

56. В части четвертой проектов статей, озаглавленной "Общие положения", в первой статье вместо *lex specialis* следует использовать концепцию "специальные режимы", поскольку в статье говорится не о нормах

или актах, а конкретно о комплексе норм, образующих режим ответственности. Хорошо известно, что концепция специального режима широко принята в международном праве, как в том, что касается правовых документов, так и практики.

57. В заключение г-н Рогачев говорит, что, по его мнению, проекты статей об ответственности государств могут стать важным фактором обеспечения международного правопорядка и, в конечном итоге, могут вылиться в проект конвенции.

58. Г-н Аль-Мельхем (Кувейт) говорит, что в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций совершенно необходимо дать определение ответственности государств за совершаемые международно противоправные деяния. Контрмеры особенно важны для потерпевшего государства, поскольку они позволяют ему заставить несущее ответственность государство выполнять его обязательства по прекращению и возмещению или вступить в переговоры с целью урегулировать спор без нанесения ущерба правам такого государства в соответствии с принципами взаимности. Кувейт поддерживает внесенные рядом делегаций предложения относительно установления критериев и норм, касающихся контрмер, с тем чтобы такие контрмеры не использовались во вред несущему ответственность государству. Более того, ответственность во всех ее формах должна быть определена на основе Конвенции Организации Объединенных Наций о праве международных договоров. Этот вопрос должен быть предметом договора или, что еще предпочтительнее, акта Организации Объединенных Наций об ответственности государств. Для достижения консенсуса необходимо сотрудничество между различными делегациями и Комиссией, с тем чтобы положить конец противоправным деяниям некоторых безответственных государств, что позволит проводить в жизнь положения Устава Организации Объединенных Наций, касающиеся поддержания международного мира и безопасности.

59. Г-жа Альварес Нуньес (Куба) говорит, что ее страна придает большое значение вопросу об ответственности государств и принимала участие в его обсуждении. Комиссия предприняла заслуживающие похвалы усилия с целью заменить концепцию государственного преступления приемлемым определением, в котором четко устанавливается международная ответственность государств в случаях актов агрессии, угрозы применения или применения силы в международных отношениях или одностороннего применения принудительных мер. Однако кубинская делегация озабочена включением в статью 41 концепции серьезных нарушений обязательств перед международным сообществом и ссылкой в статье 42 на последствия таких нарушений, которые следует рассматривать в свете хрупкой связи со статьей 49 о ссылке на ответственность со стороны других государств, помимо потерпевшего государства, и статьей 54, в пункте 2 которой предусматривается, что принять контрмеры может любое государство. Концепция ответственности в целях защиты основных интересов, которая оправдывает вмешательство других государств, помимо непосредственно потерпевшего государства, должна быть в большей степени прояснена, поскольку она непосредственно связана с нормами *jus cogens* и обязательствами *erga omnes*, усилия по международной кодификации которых пока еще не дали ощутимого результата. Весьма расплывчатому и неясному термину "международное сообщество" кубинская делегация предпочитает используемый в Венской конвенции о праве международных договоров термин "международное сообщество государств". Кроме того, признание в пункте 2 статьи 54 права любого государства принять контрмеры в интересах бенефициаров нарушенного обязательства выходит далеко за рамки прогрессивного развития международного права. Отсутствие точности в предлагаемых положениях проектов статей вполне может привести к оправданию коллективных санкций или коллективных интервенций. Поэтому следует исключить статьи 49 и 54, которые приводят к возникновению осложнений, и уточнить смысл положений статьи 41.

60. Контрмеры представляют собой один из самых противоречивых аспектов вопроса об ответственности государств, поскольку их часто используют как предлог для принятия односторонних мер, таких как вооруженные репрессалии и другие виды интервенции. Поэтому важно дать им точное определение и установить пределы их применения. Нынешний вариант проектов статей в этом отношении значительно лучше предыдущего текста. Как это обычно бывает, легитимизация репрессалий, следующих за незаконным деянием, скорее всего усугубляет споры между государствами и используется для оправдания противоправного применения силы прямым или косвенным образом.

61. Более того, сама статья 54 в своем пункте 1 содержит ссылку на пункт 1 статьи 49, в котором говорится о защите коллективного интереса, что позволяет любому государству, помимо потерпевшего государства, действовать от имени потерпевшего государства и принимать контрмеры, фактически являющиеся коллективными. Такое развитие событий, которое сопряжено с опасностями в большей степени, чем с выгодами, противоречит положениям статьи 52, говорящей о принципе соразмерности. Поэтому его не следует включать в сферу действия проектов статей, а если это действительно произойдет, то оно должно регулироваться существующими нормами международного права, в частности положениями Устава Организации Объединенных Наций. Это же замечание уместно и в случае временных контрмер.

62. Таким образом, контрмеры требуют многочисленных разъяснений и пространного обсуждения: они должны приниматься только в качестве крайнего средства и ни при каких обстоятельствах не должны состоять из деяний, которые – в нарушение принципов Устава Организации Объединенных Наций и международного права – по своей природе и последствиям предусматривают прямое или косвенное применение силы или тактической мотивировкой которых являются соображения исключительно политического характера.

63. В отношении окончательной формы проектов статей, Куба полагает, что многое еще предстоит сделать для составления рабочего документа, который станет приемлемым для всех и отразит практику государств. В этой области, столь сложной в техническом отношении и столь щекотливой в политическом смысле, нежелательно придерживаться новаторского и революционного подхода. Хотя в прошлом Куба выступала за принятие конвенций под эгидой Организации Объединенных Наций, она полагает, что на нынешнем этапе работы Комиссии было бы преждевременно принимать решение о форме проектов статей; этот вопрос государства смогут решить только после глубоких размышлений, когда уже будет достигнут реальный прогресс в разработке текста.

64. **Г-н Биато** (Бразилия) говорит, что, как и многие другие, его делегация полагает, что пересмотренные проекты статей представляют собой сбалансированный и разумный текст. Проекты статей о режиме, регулирующем контрмеры, содержат много новых аспектов, проявившихся за последние годы в международной практике. Особое одобрение вызывает статья 51, так как в ней излагаются обязательства, не затрагиваемые контрмерами, включая обязательство воздерживаться от применения силы и обязательство по защите прав человека. В связи с условиями, относящимися к применению контрмер, проекты статей подчеркивают соразмерность и степень тяжести вызвавшего их противоправного деяния. В них также предусматривается, что контрмеры должны прекращаться, если спор представлен на арбитражное или судебное урегулирование, и это соответствует пониманию того, что контрмеры должны оставаться в качестве инструмента для использования в крайнем случае.

65. Важно, чтобы контрмеры не стали карательным инструментом, открывающим путь к злоупотреблению силой. По этой причине необходимо продолжить рассмотрение критериев для определения приемлемости контрмер и их строгости. Следует также тщательнее изучить вопрос о правах третьих государств, не являющихся непосредственно потерпевшими, особенно о праве третьего государства принимать контрмеры от имени потерпевшего государства, а также понятии нарушения обязательств *erga omnes*. Наконец, затруднения также вызывает вопрос о размере возмещения ущерба, отражающего степень тяжести нарушения.

66. Весьма удачна принятая формулировка разрешения вопроса, затрагиваемого в статье 19. Понятие серьезного нарушения, связанного с невыполнением основных обязательств и угрожающего нанести существенный ущерб интересам других государств, представляется желательным, поскольку оно обязывает другие государства сотрудничать с целью положить конец этому нарушению.

67. Бразилия принимает к сведению решение исключить из проектов статей положения об урегулировании споров, исходя из того, что этот вопрос будет рассматриваться вновь, когда Комиссия примет решение об окончательной форме проектов статей. В этом отношении, понимая убедительность выдвинутых аргументов в пользу многосторонней декларации, Бразилия полагает, что такая декларация вряд ли даст удовлетворение, поскольку она не будет являться юридически обязывающим документом. Бразильская делегация считает, что Комиссии не следует ограничиваться кодификацией существующих международных норм; она, напротив, должна стремиться внести вклад в прогрессивное развитие международного права, особенно по такому важному вопросу, как ответственность государств.

68. Г-н Тессин (Соединенные Штаты Америки) считает, что эти проекты статей должны отражать обычное международное право. Однако, хотя в существующий текст были внесены значительные улучшения, некоторые положения по-прежнему отклоняются от обычного международного права. Есть три области, в которых проекты статей выиграют, если будут приведены в соответствие с международной практикой: контрмеры, серьезные нарушения обязательств перед международным сообществом и определение "потерпевшего государства".

69. Положения, касающиеся контрмер, содержат ограничения, которых нет в обычном международном праве. В частности, в обычном международном праве не предусматривается обязанность провести переговоры, прежде чем государство может прибегнуть к применению контрмер, как это устанавливается пунктом 2 статьи 53. К тому же, хотя пунктом 3 предусматривается применение временных и безотлагательных контрмер, пункт 5 требует, чтобы все контрмеры приостанавливались, если спор представлен на рассмотрение суда или трибунала. Делегация Соединенных Штатов Америки опасается того, что полное ограничение такого типа может быть использовано несущим ответственность государством в ущерб интересам потерпевшего государства. Как минимум, необходимо уточнить, что действие пункта 5 статьи 53 не распространяется на временные и безотлагательные контрмеры, предусматриваемые в пункте 3 этой статьи.

70. Делегация Соединенных Штатов Америки прекрасно понимает, что по вопросу о контрмерах в международном сообществе существует значительное расхождение мнений. Она вместе с тем отмечает, что контрмеры являются единственным препятствующим противоправности обстоятельством, которое детально рассматривается в проектах статей. Поскольку Комиссия намеревается завершить работу по ответственности государств на своей следующей сессии, она будет располагать лишь ограниченным временем для пересмотра нынешнего текста, а такой пересмотр, по мнению ряда государств, включая и Соединенные Штаты Америки, является необходимым. Исходя из этого, делегация Соединенных Штатов Америки предлагает, чтобы на своей следующей сессии Комиссия рассмотрела круг относящихся к контрмерам вопросов, а также решила, можно ли исключить положения о контрмерах из проектов статей об ответственности государств, а если это не представляется возможным, то следует найти способы улучшения существующего текста, с тем чтобы он в большей мере отражал обычное право.

71. Соединенные Штаты удовлетворены тем, что из проектов статей исключена концепция международных преступлений. Однако определение "серьезного нарушения" обязательств, взятых перед международным сообществом, в пункте 2 статьи 41 носит слишком неясный и чрезмерно общий характер. Проведение различия между серьезными нарушениями и другими нарушениями не представляет интереса, и в обычном международном праве такое различие отсутствует.

72. Неудовлетворительной является и формулировка статьи 42 (Последствия серьезных нарушений обязательств перед международным сообществом в целом). В частности, обязательство возмещения ущерба в размере, отражающем тяжесть нарушения, о чем говорится в пункте 1, может быть истолковано как допускающее принудительное возмещение ущерба в случае серьезных нарушений, что не предусмотрено обычным международным правом. Соединенные Штаты не убеждены также в том, что предусмотренные в пункте 3 статьи 42 обязательства твердо основаны на обычном международном праве. Принимая к сведению предложение представителя Соединенного Королевства добавить в какой-то форме защитительную оговорку о том, что проекты статей не наносят ущерба любому режиму, который может быть установлен для рассмотрения серьезных нарушений обязательств *erga omnes*, делегация Соединенных Штатов призывает Комиссию тщательно рассмотреть это предложение, которое позволило бы сохранить структуру и направленность проектов статей в целом.

73. В связи с определением "потерпевшего государства" делегация Соединенных Штатов Америки выражает удовлетворение тем, что Комиссия провела различие между непосредственно потерпевшими государствами и теми, которым не был нанесен прямой урон. Такое различие представляется разумным, однако можно было бы попытаться еще больше сузить определение потерпевшего государства. В этом отношении следует указать, что в подпункте b) ii) статьи 43 предусматривается, что, если нарушение обязательства "носит такой характер, что оно затрагивает осуществление прав или выполнение обязательств всех соответствующих государств", то соответствующее государство может претендовать на статус потерпевшего. Формулировка этого

положения носит слишком широкий характер и может свести на нет собственно цель проведения различия между потерпевшими государствами и другими государствами, таковыми не являющимися.

74. По вопросу о форме, которую должны иметь проекты статей об ответственности государств, Соединенные Штаты считают, что принятие этих проектов в форме конвенции будет нежелательным и бесполезным. Поскольку этот текст касается вторичных норм международного права, форма конвенции для него представляется неподходящей. Если Комиссия решит не кодифицировать эти проекты статей в форме конвенции, она может и впредь не заниматься частью об урегулировании споров, которая была включена в проекты, принятые в первом чтении, и исключена из варианта, рассматривающегося в настоящее время.

75. Что касается дипломатической защиты, то Соединенные Штаты считают, что это – безусловное дискреционное право государства, и категорически отрицают ее понимание как право индивидуального лица. Кроме того, прогрессивное развитие международного права должно происходить лишь в тех областях, где имеются пробелы в обычном международном праве. Дипломатическая защита такой областью не является.

76. Делегация Соединенных Штатов не убеждена в том, что есть смысл рассматривать односторонние акты государств в целях кодификации или прогрессивного развития. Разработка проектов статей по этой теме могла бы ограничить гибкость, которой обладают государства в этой области. Поскольку односторонние акты отличаются чрезвычайным разнообразием, можно задаться вопросом о том, насколько реально или своевременно разрабатывать общие правила применительно буквально к каждому случаю. Специальному докладчику было бы лучше, по крайней мере для начала, ограничиться обзором практики государств.

77. Что касается оговорок к договорам, то Соединенные Штаты полагают, что можно было бы порекомендовать Комиссии составить руководство по практике подхода к оговоркам и заявлениям о толковании.

78. И наконец, в отношении международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом, делегация Соединенных Штатов полагает, что эта тема имеет особое значение в области международного экологического права. Она поддерживает решение Комиссии отложить рассмотрение этого вопроса до тех пор, пока не будут приняты во втором чтении проекты статей о предотвращении трансграничного ущерба.

79. **Г-н Зельвегер** (наблюдатель от Швейцарии) прежде всего приветствует решение Комиссии исключить из проектов статей понятие преступления. Гораздо более интересной представляется ему концепция серьезного нарушения основных обязательств перед международным сообществом. Он говорит, что в своем выступлении он ограничится замечаниями по вопросу о возмещении и контрмерах.

80. Что касается возмещения, то в статье 31 ставится вопрос о каузальной ответственности. Существование причинно-следственной связи между нарушением международного права и наличием ущерба является достаточным для того, чтобы возложить ответственность за ущерб на государство, совершившее нарушение. Хотя такой вид ответственности справедлив во многих ситуациях, возможен случай, когда небольшое нарушение в силу сочетания исключительных обстоятельств может привести к значительному ущербу, который не могло предвидеть несущее ответственность государство. По его мнению, возможно, было бы разумным разработать положение об ограниченной или смягченной форме ответственности в случаях, когда отсутствует намерение причинить вред или когда ущерб невозможно предвидеть во время совершения международно противоправного деяния. Отмечая проводимое в проекте статьи 40 различие между повлекшим ущерб умышленным действием и действием, совершенным по небрежности, или бездействием, представитель Швейцарии считает, что такое же различие следует проводить в отношении государства, несущего ответственность за нарушение международного права.

81. Швейцарская делегация согласна с общим подходом Комиссии к вопросу о контрмерах. Контрмеры предпочтительнее регламентировать с целью ограничения их применения, а не отказываться вообще от рассмотрения вопроса о них. Не возражая против включения вопроса о контрмерах в проекты статей, Швейцария считает, что им следует посвятить отдельную часть. В настоящее время они помещены в часть вторую проектов статей, что может создавать впечатление, что контрмеры являются следствием ответственности государств. Это не соответствует точке зрения швейцарской делегации.

82. Еще одно затруднение заключается в наличии связи между проектами статей 50–55 и проектом статьи 23. Согласно проекту статьи 23, противоправность деяния государства, не соответствующего международным обязательствам этого государства, исключается, если и в той мере, в какой это деяние является контрмерой в отношении другого государства в соответствии с условиями, установленными в статьях 50–55. Однако проект статьи 23 является частью перечня обстоятельств, исключающих противоправность. Если положение о контрмерах включается в такой перечень, то неизбежно возникает вопрос о правомерности и законности контрмер в обстоятельствах, иных, чем самооборона, бедствие или состояние необходимости. По мнению швейцарской делегации, в проектах статей 50–55 нет адекватного ответа на этот основополагающий вопрос.

83. Г-н Ямада (Председатель Комиссии международного права) представляет часть вторую доклада Комиссии (A/55/10). Касаясь главы V (Дипломатическая защита), он поясняет, что исходным пунктом для Специального докладчика стало то, что дипломатическая защита остается важным инструментом защиты прав человека. Хотя отдельные лица участвуют в международной правовой системе и пользуются предусмотренными ею правами, имеющиеся у них средства правовой защиты остаются ограниченными.

84. По мнению Специального докладчика, в проекте статьи 1 содержится скорее описание, а не определение темы. Некоторые члены Комиссии полагают, что Специальный докладчик, возможно, переоценил роль дипломатической защиты в качестве инструмента защиты прав человека. Также состоялась дискуссия по вопросу о том, может ли дипломатическая защита предоставляться лишь тогда, когда противоправное деяние уже совершено, или правительство может также предоставлять такую защиту для предотвращения нанесения вреда одному из своих граждан.

85. Было выражено два разных мнения по вопросу о характере дипломатической защиты. Первое заключается в том, что дипломатическая защита является правом отдельного лица. В конституциях ряда стран утверждается право граждан на дипломатическую защиту, что соответствует тенденции развития защиты прав человека в современном международном праве. Согласно второму мнению, разделяемому многими членами Комиссии, дипломатическая защита является дискреционным правом государства. Именно государство имеет право предъявить требование другому государству в связи с противоправным деянием, совершенным последним, даже в том случае, если ущерб нанесен не самому государству, а его гражданину. Однако на государство не возлагается обязанность предъявлять требования от имени своих потерпевших граждан. Конституционное обязательство предоставлять дипломатическую защиту своим гражданам не имеет никакого отношения к международному праву.

86. В связи с проектом статьи 2 возникают два крайне спорных вопроса: во-первых, разрешается ли в соответствии с международным правом применение силы для защиты граждан и, во вторых, подпадает ли данный вопрос под сферу охвата концепции дипломатической защиты. Согласно первому мнению, статья 2 вызывает возражение, поскольку она не содержит категорического запрета угрозы силой или ее применения при осуществлении дипломатической защиты. Хотя могут иметь место освобождающие государство от ответственности обстоятельства (неминуемая опасность или состояние необходимости), в контексте дипломатической защиты любая норма, разрешающая, оправдывающая или узаконивающая применение силы, является опасной и неприемлемой. Согласно другому мнению, вопрос о применении силы не является частью темы дипломатической защиты и не охватывается мандатом Комиссии. Дипломатическая защита связана с правовыми нормами об ответственности и в основном касается вопроса о приемлемости претензий. Механизмы обеспечения защиты для отдельных лиц охватывают целый ряд мер, включая меры по поддержанию мира, консульскую деятельность и т. д. Кроме того, вопрос о применении силы для защиты своих граждан за рубежом не может рассматриваться в отрыве от вопроса о применении силы в целом и вопроса о применении положений Устава Организации Объединенных Наций. Обсуждение в Комиссии ясно показало, что проект статьи 2 является неприемлемым и поэтому должен быть исключен.

87. В проекте статьи 3 затрагивается вопрос о том, о чем праве идет речь, когда государство гражданской принадлежности ссылается на ответственность другого государства за ущерб, причиненный его гражданам. В ней предпринимается попытка кодифицировать принцип дипломатической защиты в его традиционном смысле, то есть путем признания его в качестве права другого государства, которое может использовать его по своему

усмотрению, с учетом положений статьи 4, всякий раз, когда его гражданам наносит ущерб другое государство. Таким образом, осуществление этого права не ограничивается случаями широкомасштабных и систематических случаев нарушения прав человека. К тому же государство гражданской принадлежности не обязано воздерживаться от осуществления этого права, когда какое-либо лицо задействует средства правовой защиты, предусмотренные договорами по правам человека или договорами об иностранных инвестициях. В принципе, согласно проекту статьи 3, государство не обязано воздерживаться от осуществления дипломатической защиты, поскольку, если его гражданину незаконно нанесен ущерб, нарушено его собственное право. Проект статьи 3, основанный на традиционном подходе, вытекающем из решения Постоянной палаты международного правосудия по делу *Mavrommatis Palestine Concessions*, был признан в принципе приемлемым. Однако некоторые члены Комиссии заявили, что следует более четко оговорить право требования государства. Другие выразили мнение, что больший упор следует сделать на то, что причинение ущерба гражданину является причиной нарушения норм международного права.

88. Статья 4 касается еще одного противоречивого вопроса и, как признал Специальный докладчик, она представляет собой предложение *de lege ferenda*. Согласно традиционной доктрине, государство обладает абсолютным правом решать, осуществлять ли ему дипломатическую защиту в интересах своих граждан. Делать это оно не обязано. Как следствие, гражданин, которому причинен ущерб за рубежом, не имеет права на дипломатическую защиту согласно международному праву. Специальный докладчик, исходя из недавно принятых конституционных положений, предоставляющих гражданам право на дипломатическую защиту, высказал мнение о том, что, возможно, такая практика могла бы быть распространена и на международное право. Комиссия в целом не смогла поддержать это предложение, не найдя ему подтверждения в практике государств, и статья, таким образом, была исключена.

89. Статья 5 посвящена требованию увязки дипломатической защиты с гражданством. В Комиссии мнения по этому вопросу разошлись. Некоторые члены Комиссии высказались в том плане, что в статье излишне подчеркивается фактор гражданства как условие для дипломатической защиты и не учитываются реалии современной жизни, когда граждане зачастую избирают местом проживания зарубежную страну и таким образом устанавливают более существенные связи с государством проживания, а не с государством гражданства. Другие члены Комиссии выступили в пользу традиционного подхода, который поддерживается решением по делу *Nottebohm*.

90. Помимо этого ряд членов Комиссии выразили мнение о том, что будет сложно обсуждать статью 5, не затрагивая вопрос об отказе в правосудии и исчерпании внутренних возможностей правовой защиты. Для вменения ущерба государству необходима констатация факта отказа в правосудии, а именно должны быть исчерпаны все возможности получения возмещения или сатисфакции от государства, которому вменяется совершение деяния. Процедура дипломатической защиты может быть инициирована после того, как будут исчерпаны все внутренние административные и правовые средства защиты, и в случае, если не будет возмещен ущерб, причиненный в результате нарушения международного обязательства. Также было выражено общее согласие с тем, что статья 5 не должна затрагивать методы получения гражданства. Речь идет о праве государства защищать своего гражданина, а не об обстоятельствах, в силу которых государством может предоставляться гражданство.

91. Статья 6 посвящена вопросу двойного или множественного гражданства и концепции преобладающего, или эффективного, гражданства. Члены Комиссии признали, что развитие принципа преобладающего, или эффективного, гражданства сопровождалось значительными изменениями в подходе к решению вопроса, касающегося осуществления дипломатической защиты от имени лиц, имеющих двойное или множественное гражданство. Специальный докладчик привел многочисленные примеры, главным образом судебные решения, основанные на принципе преобладающего, или эффективного, гражданства в случаях двойного гражданства. Однако некоторые члены Комиссии сочли, что когда речь идет о применении этого принципа против другого государства гражданства соответствующего лица, то достаточных примеров в обычном международном праве для кодификации такой нормы пока найти не удастся. Сторонники статьи 6 среди членов Комиссии вновь заявили, что эта статья отражает современную тенденцию международного права, и отвергли тот довод, что лица с двойным гражданством должны находиться в неблагоприятном положении с точки зрения дипломатической защиты в силу тех преимуществ, которыми они могут обладать благодаря своему статусу лиц с двойным гражданством.

92. Статья 7, в которой говорится об осуществлении дипломатической защиты от имени лиц с двойным или множественным гражданством против третьих государств, а именно государств, гражданином которых данное лицо не является, предусматривает, что любое государство гражданства может осуществлять дипломатическую защиту, не будучи при этом обязанным доказывать, что между ним и данным лицом существует эффективная связь. Комиссия выразила общую поддержку этой статьи. Значительную поддержку также получил пункт 2 этой статьи, который предусматривает совместное осуществление дипломатической защиты двумя или более государствами гражданства. Тем не менее было отмечено, что в статье или в комментарии к ней необходимо предусмотреть некоторые практические проблемы, которые могут возникать в подобных ситуациях. Например, что происходит, если одно государство гражданства отказывается от своего права осуществлять дипломатическую защиту или заявляет, что оно удовлетворено ответом государства-ответчика, в то время как другое государство продолжает настаивать на своем требовании?

93. Статья 8 в редакции, предложенной Специальным докладчиком, была последней статьей, которую до настоящего момента Комиссия обсудила на своей последней сессии. В статье говорится об осуществлении дипломатической защиты лиц, не имеющих гражданства, или беженцев государством проживания и, по мнению Специального докладчика, она является положением *de lege ferenda*. Мнения членов Комиссии по этой статье разошлись. Некоторые члены Комиссии сочли, что такое прогрессивное развитие международного права гарантируется нормами современного международного права, которые не могут быть нейтральными по отношению к бедственному положению беженцев и апатридов. Однако, по мнению других, в случае защиты беженцев "лучшее может стать врагом хорошего". Если государства полагают, что предоставление статуса беженца является первым шагом на пути предоставления гражданства и что любое осуществление дипломатической защиты является фактически констатацией для данного лица того факта, что предоставление ему статуса беженца предполагает предоставление гражданства, то это стало бы еще одним фактором, препятствующим предоставлению статуса беженца. Статус беженца в классическом смысле этого слова является чрезвычайно мощным оружием в деле защиты отдельных лиц против преследований или в случае обоснованных опасений преследования. Если Комиссия сделает это бремя чрезмерно тяжелым, то существующие уже и без того серьезные трудности с сохранением классической системы будут усугублены еще больше. Однако если концепцию дипломатической защиты строить в качестве дискреционного права государства, а не права отдельного лица, то тогда эта статья с некоторыми изменениями, касающимися условий, в которых может осуществляться такая защита, была бы для этих членов Комиссии более приемлемой.

94. Комиссия учредила неофициальную консультативную группу для более детального рассмотрения вопросов, включенных в статьи 1, 3 и 6. Рассмотрев доклад этой группы, она решила передать статьи 1, 3 и 5–8 Редакционному комитету вместе с этим докладом. Комиссия будет приветствовать любые возможные мнения представителей по предлагаемым статьям, в частности по вопросам, упомянутым в пункте 24 доклада Комиссии по этой теме.

95. Обращаясь к главе VI доклада Комиссии, посвященной односторонним актам государств, Председатель Комиссии международного права напоминает, что Комиссии был представлен третий доклад Специального докладчика и доклад Генерального секретаря, содержащий тексты ответов правительств на вопросник, разосланный им в прошлом году. В пунктах 510–528 доклада Комиссии содержится краткое представление Специальным докладчиком своего третьего доклада, а в пунктах 529–619 содержится краткое изложение хода прений по этому докладу и заключительные замечания Специального докладчика. Тексты проектов статей, предложенных Специальным докладчиком, содержатся в сносках на страницах 215–220 доклада.

96. Содержащиеся в кратком изложении общие замечания подробно касаются вопроса об уместности этой темы, а также вопроса о возможности ее кодификации. В этой связи Председатель Комиссии обращает внимание на пункты 533–534 доклада. Некоторые члены Комиссии указали на большое разнообразие встречающихся в практике государств односторонних актов как на фактор, затрудняющий общую работу по кодификации, и высказали мнение о том, что более уместным, возможно, был бы поэтапный подход к работе над темой, предполагающий отдельное рассмотрение каждой категории актов. По мнению других членов Комиссии, целесообразно было бы разделить проекты статей на две части: в первой части устанавливались бы общие положения, применимые ко всем односторонним актам, а во второй – положения, применимые к конкретным категориям односторонних актов, которые в силу их несхожести не поддаются единообразному

регулированию. Члены Комиссии подчеркивали также важность наличия всестороннего обзора государственной практики во всех случаях, когда предпринимаются попытки кодифицировать ту или иную область права, и призывали Специального докладчика широко отражать такую практику в его докладах. Другие общие замечания касались связи между проектами статей об односторонних актах и Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года и высказывались мнения в поддержку концепции "гибкого параллелизма", предложенной Специальным докладчиком в его докладе. Также были высказаны различные мнения по вопросу о том, следует ли рассматривать концепцию эстоппеля в связи с односторонними актами государств. По мнению отдельных членов Комиссии, проблему эстоппеля пока что можно исключить из общего рассмотрения односторонних актов и вернуться к ней позднее для определения возможного воздействия эстоппеля в конкретных ситуациях. Из краткого изложения видно, что ряд других членов Комиссии заняли несколько более позитивную позицию в этом вопросе.

97. Замечания по проекту статьи 1 концентрировались вокруг основных элементов предложенного определения одностороннего акта. Было отмечено, что основное различие между предшествовавшим и новым определением односторонних актов заключается в опущении требования о том, чтобы такие акты были "самостоятельными", замене выражения "намерение приобрести международные правовые обязательства" словами "намерение вызвать правовые последствия" и замене требования о "формулировании публично" условием того, что об этом акте известно соответствующему государству или международной организации. Конкретные замечания также были сделаны по следующим элементам предлагаемого определения: выражение "волеизъявление государства, сформулированное с намерением вызвать правовые последствия"; выражение "в его отношениях с одним или несколькими государствами либо одной или несколькими международными организациями", с которым в предлагаемом определении соотносятся слова "правовые последствия"; слово "недвусмысленное", которое в предлагаемом определении соотносится со словом "волеизъявление", а также слова "о котором известно этому государству или этой международной организации", которые в предлагаемом определении соотносятся с волеизъявлением.

98. Различную реакцию вызвало понятие "самостоятельности", которое, исходя из рекомендаций Рабочей группы 1999 года, Специальный докладчик исключил из предлагаемого определения. В этой связи было отмечено, что односторонний акт не может вызвать последствия, если по общему международному праву не существует какой-либо формы разрешения для наступления таких последствий. Такое разрешение может быть конкретным, например, когда государствам разрешено в одностороннем порядке устанавливать ширину своих территориальных вод в пределах 12 морских миль от береговой линии, или же такое разрешение может носить более общий характер, например, в тех случаях, когда государствам в одностороннем порядке разрешается принимать на себя обязательства, ограничивающие их суверенные правомочия. Однако односторонние акты никогда не являются самостоятельными. Акты, не имеющие основы в международном праве, являются недействительными. Это вопрос не определения, а действительности или правомерности. По мнению других, термин "самостоятельность", возможно, и не является полностью удовлетворительным, тем не менее идея независимости в качестве характерной черты односторонних актов могла бы заслуживать обсуждения и могла бы оказаться полезной при определении охвата проектов статей. В этой связи некоторые члены Комиссии высказались также в пользу восстановления статьи об "охвате" проектов статей, которая была исключена Специальным докладчиком.

99. Проект статьи 2, касающийся правоспособности государств формулировать односторонние акты, в целом получил поддержку, хотя к нему были внесены некоторые редакционные поправки. Что касается проекта статьи 3 о лицах, правомочных совершать односторонние акты от имени государства, то оба ее пункта в целом получили поддержку, хотя и были предложены несколько поправок существенного и редакционного характера, которые нашли отражение в кратком изложении, включая поправку дополнить этот проект статьи пунктом 3, включив в него текст нынешнего проекта статьи 4. Этот текст, в котором говорится о последующем подтверждении акта, совершенного лицом, не имеющим на то полномочия, пользовался общей поддержкой, хотя некоторые члены Комиссии высказали оговорки по поводу слова "прямо", относящегося к подтверждению. Они задавались вопросом о том, почему односторонний акт не может быть подтвержден по умолчанию, поскольку подтверждение одностороннего акта должно регулироваться теми же нормами, что и его формулирование.

100. Члены Комиссии международного права высказались в поддержку исключения прежней статьи 6, касающейся выражения согласия. По вопросу о молчаливом согласии и односторонних актах, который был рассмотрен Специальным докладчиком в его третьем докладе в связи с вопросом о снятии прежней статьи 6, были высказаны различные точки зрения. По мнению ряда членов Комиссии, молчаливое согласие не может рассматриваться в качестве одностороннего акта в строгом смысле слова, поскольку в данном случае отсутствует намерение, являющееся одним из важных элементов определения одностороннего акта. Следовательно, вопрос о молчаливом согласии и односторонних актах не имеет касательства к данным проектам статей. Другие члены Комиссии высказали иное мнение. Они подчеркнули, что, хотя некоторые виды молчаливого согласия действительно не представляют собой и не могут представлять одностороннего акта, другие виды его могут быть охарактеризованы как содержащие элемент намеренного "красноречивого молчания", выражающего согласие и, тем самым, безусловно образующего подобные акты. Примером тому служит дело *Temple of Preah Vihear*.

101. Говоря о статье 5, касающейся недействительности односторонних актов, некоторые члены Комиссии подчеркнули необходимость связать эту статью с положением об условиях действительности одностороннего акта, которое пока еще не разработано. Они полагают, что в рамках исследования условий, определяющих действительность односторонних актов, необходимо изучить возможное материальное содержание акта, его законность с точки зрения международного права, отсутствие пороков в волеизъявлении, необходимость обеспечения гласности волеизъявления и создание последствий на международном уровне. Как только эти условия будут определены и разработаны, формулировать надлежащим образом нормы, регулирующие недействительность, станет значительно проще.

102. Была также подчеркнута связь с возможным положением об отзыве односторонних актов. Отмечалось, что при наличии возможности отзыва одностороннего акта государство станет скорее использовать это средство, нежели ссылаться на основание недействительности. Поэтому основания недействительности должны касаться главным образом односторонних актов, которые не могут быть отозваны, иными словами, актов, связывающих обязательствами государство, формулирующее акт по отношению к какому-либо другому образованию. Было также предложено провести различие между случаями, когда какой-либо акт может быть объявлен недействительным лишь тогда, когда государство ссылается на какое-либо основание недействительности (относительная недействительность), и случаями, когда недействительность представляет собой санкцию, налагаемую в соответствии с законом, или непосредственно вытекает из международного права (абсолютная недействительность или недействительность *ex lege*). Также были сделаны конкретные комментарии, отраженные в кратком изложении, в связи с каждым из восьми оснований недействительности, предложенных Специальным докладчиком в его проекте статьи 5.

103. В результате обсуждения Комиссия решила вновь созвать Рабочую группу по односторонним актам государств и направить для дальнейшего рассмотрения проекты статей 1–4 в Редакционный комитет, а проект статьи 5 – в Рабочую группу. В ходе первой части сессии Комиссии Рабочая группа провела два предварительных заседания. Однако, поскольку ей нужно было работать и над другими темами, у нее не было времени на проведение новых заседаний, и, в частности, она не смогла рассмотреть возвращенный ей проект статьи 5 о недействительности односторонних актов. Рабочая группа сообщила, что, хотя в свете вышеуказанных обстоятельств оказалось невозможным сделать окончательные выводы по итогам состоявшегося в ходе указанных двух заседаний обсуждения, значительную поддержку получили аспекты дальнейшей работы по этой теме, которые перечислены в пункте 621 доклада. У Комиссии не было времени рассмотреть доклад Рабочей группы, однако она согласилась с тем, что было бы полезным запросить мнения государств по вопросам, содержащимся в подпунктах а), b) и c) пункта 621 доклада, и что Секретариату следует предпринять действия, предусмотренные в подпункте d).

104. *Место Председателя занимает г-н Полити (заместитель Председателя).*

105. **Г-н Абраам** (Франция) отмечает, что при осуществлении дипломатической защиты, которая зависит от ряда критериев, определенных в 1924 году Постоянной палатой международного правосудия по делу *Mavrommatis Palestine Concessions*, иногда возникают трудности и что обсуждение этого вопроса на Комиссии международного права представляется весьма своевременным.

106. Специальный докладчик дал статье 1 довольно расплывчатое название "Сфера применения". Пункт 1 касается первого из двух предварительных условий осуществления дипломатической защиты, то есть наличия вреда, причиненного гражданину в результате международно противоправного деяния, присваиваемого государству. По мнению делегации Франции, этот пункт, помимо того, что в связи с ним возникают трудности редакционного порядка, неудачен, поскольку является недостаточно полным. В случае его сохранения он должен содержать оба критерия, определяющие осуществление дипломатической защиты. Действительно, второй критерий – исчерпание внутренних возможностей правовой защиты – не менее важен, чем первый. Зачем понадобилось рассматривать первый критерий в отрыве от второго, хотя бы только и в принципе? По его мнению, эти критерии следует обозначить с самого начала, а затем уточнить специальными положениями в последующих проектах статей. Что касается второго критерия, то его следовало бы рассмотреть в связи с развитием международного права и возможностями, которыми отныне могут пользоваться лица, потерпевшие ущерб. Следовательно, Комиссия международного права должна заинтересоваться вопросом использования юрисдикции, не имеющей национального характера, но общедоступной, которую можно или нельзя рассматривать как внутренние средства защиты, несмотря на то, что даже самое буквальное его толкование не дает утвердительного ответа на этот вопрос.

107. Сама формулировка пункта 1 вызывает сомнения. Термин "мера" представляется неоднозначным и противоречивым. Дипломатическая защита – это не мера как таковая. Это просто приведение в действие процедуры, в результате которой требование физического или юридического лица порождает правовые отношения между двумя государствами. Это – одно из средств возложения на государство ответственности за причиненный им ущерб. Кроме того, возникает вопрос о том, что именно следует понимать под "международно противоправным бездействием", понятием, никогда до сих пор не употреблявшимся в международном праве. Серьезные сомнения возникают и в связи с пунктом 2, смысл которого состоит в том, что "в исключительных обстоятельствах" дипломатическая защита может быть распространена на негражданина. Затрагивать этот весьма противоречивый вопрос уже в первой статье, как это предлагает Специальный докладчик, то есть вопрос о дипломатической защите беженцев и лиц, не имеющих гражданства, было бы преждевременно, поскольку он не подкреплен практикой государств и даже противоречит некоторым международным конвенциям, как это станет видно при рассмотрении статьи 8.

108. Статья 2 неприемлема вообще. В ее основу положено запрещение угрозы силой или ее применения как средства дипломатической защиты, за исключением некоторых случаев, список которых представлен Специальным докладчиком. С учетом этих положений становится понятнее, в силу каких причин Специальный докладчик использовал в статье 1 термин "меры". Но в таком случае он, по-видимому, идет по неверному пути. Дипломатическая защита представляет собой использование процедуры мирного урегулирования споров, которая направлена на защиту прав или имущества гражданина, потерпевшего ущерб в другом государстве. Этот механизм не имеет ничего общего с вопросом применения силы. Поэтому делегация Франции считает, что статью 2 следует исключить.

109. Обсуждение статьи 3 вызвало в Комиссии международного права дискуссию относительно того, кто именно может обладать полномочиями осуществлять дипломатическую защиту. С традиционной точки зрения, это должно быть государство, которое заявляет о своем праве выступать на стороне своего гражданина. В соответствии же с другим подходом государство может являться всего лишь представителем гражданина, обладающего правом на международно-правовую защиту своих интересов. По мнению делегации Франции, надо исходить именно из первой концепции. Компетенция государства в этой области является дискреционной. Было бы неуместно "ограничивать" это дискреционное право, как предлагают некоторые члены Комиссии международного права. Дипломатическая защита – это суверенная прерогатива государства как субъекта международного права. Осуществление ее является, следовательно, правом государства. Помимо этого, осуществляя это право в каком-либо конкретном случае, государство принимает в расчет не только интересы своего гражданина, пострадавшего в результате противоправных действий другого государства, но и целый ряд элементов, зависящих от проводимой внешней политики. Следовательно, осуществление дипломатической защиты должно предоставляться на усмотрение государства. Поэтому в связи с вышеизложенными причинами у делегации Франции возникают серьезные сомнения относительно положений статьи 4, по смыслу которой при определенных обстоятельствах и "если ущерб стал результатом серьезного нарушения нормы *ius cogens*",

государство "юридически обязано" осуществить дипломатическую защиту. С точки зрения делегации Франции, гражданин, которому причинен ущерб за рубежом, не имеет никаких прав на дипломатическую защиту. Государство не обязано ее осуществлять. Эта статья, представляющая собой предложение *de lege ferenda*, не подкреплена практикой государств. Как и в других статьях, в ней отражается преобладание того, что можно назвать влиянием "логики прав человека", и у делегации Франции возникают серьезные сомнения относительно уместности проведения в русле подобной логики обсуждения, предпринятого Комиссией международного права.

110. В соответствии со статьей 5 государство гражданства означает государство, гражданство которого лицо, желающее получить защиту, "приобрело в силу рождения, происхождения или натурализации *bona fide*". Озадачивает сам смысл статьи, поскольку дело идет не о получении гражданства, а о дипломатической защите, которую можно осуществить только по отношению к гражданину. Главное здесь заключается не столько в обстоятельствах, при которых государство может предоставить гражданство (речь идет о вопросе, регулируемом внутренним правом), сколько о праве государства на осуществление защиты одного из своих граждан. По мнению делегации Франции, Комиссии международного права совершенно не следовало бы заниматься в рамках данного обсуждения определением связи между гражданством физических и юридических лиц или же условий предоставления гражданства. И напротив, было бы полезно постараться найти определение юридического значения гражданства по отношению к другому государству в контексте дипломатической защиты. В 1955 году Международный Суд уже касался этого вопроса, но лишь в самых общих чертах, и упомянутый прецедент не вошел в широкую судебную практику.

111. Статья 6 также является весьма проблематичной. Ее принцип заключается в том, что государство гражданства может осуществлять дипломатическую защиту от имени потерпевшего гражданина против государства, гражданином которого потерпевший также является. Принцип этой статьи со всей очевидностью входит в противоречие с принципом статьи 4 Гаагской конвенции 1930 года, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве, в соответствии с которой "государство не может предоставлять дипломатическую защиту одному из своих граждан против государства, гражданством которого это лицо также обладает". По мнению делегации Франции, Комиссии международного права следовало бы придерживаться принципа, сформулированного в этой статье, которая, насколько это известно делегации Франции, никогда не ставилась под сомнение.

112. В том, что касается статьи 8, то ее принцип состоит в том, что государство может осуществлять дипломатическую защиту потерпевшего лица, которое не имеет гражданства и/или является беженцем, если такое лицо обычно и на законных основаниях проживает в этом государстве. И эта статья, тоже прямо претендующая на прогрессивное развитие международного права, не находит подтверждения в практике государств. Создается впечатление, что она противоречит даже некоторым положениям Приложения к Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 года, в которой однозначно говорится, что выдача проездных документов ни в коей мере не дает держателю этих документов права на защиту со стороны дипломатических или консульских органов страны выдачи, равно как и не наделяет эти органы правом обеспечивать защиту. Что же касается Конвенции о сокращении безгражданства 1961 года, то в ней вопрос о защите умалчивается.

113. По мнению делегации Франции, было бы разумным, если бы Специальный докладчик изучил практику государств в данной области. Строго говоря, работа Комиссии международного права в области дипломатической защиты должна ограничиваться работой по кодификации этой практики и, следовательно, рамками обычного права. Помимо этого, делегация Франции выражает сожаление в связи с тем, что учрежденная Комиссией международного права неофициальная консультативная группа заявила, что эти проекты статей не будут охватывать вопросы функциональной защиты. Но поскольку она даже по сути своей сравнима с защитой, которую государства осуществляют по отношению к своим гражданам, Комиссии следовало бы оставить ее в планах своей работы.

114. По поводу односторонних актов государств представитель Франции с удовлетворением констатирует, что односторонние акты международных организаций не были предложены для обсуждения, и полагает, что, как об этом заявляла в прошлом году его делегация, Комиссии международного права следует изучить этот вопрос особо.

115. Что касается собственно проектов статей, то делегация Франции выражает удовлетворение в связи с исключением прежней статьи 1, редакция которой, как она отмечала в предыдущем году, вызвала целый ряд трудностей. В ней рассматривались только юридические акты, в то время как политические акты также могут создавать правовые последствия; не учитывалось намерение государства, формулирующего акт, который, тем не менее, является при наличии такового основополагающим элементом; и упор делался только лишь на последствия акта. По-видимому, невозможно приступать к разработке международно-правовых норм, применимых к односторонним актам государств, если предварительно не сформулировано правильное определение таких актов. В этом свете определение одностороннего акта, содержащееся в новой статье 1, которая приводится в третьем докладе Специального докладчика, представляется более удачным, чем редакция предыдущего года. В нем четко ставится акцент на намерении государства при формулировании акта. Как указал Международный Суд в деле о "Ядерных испытаниях", намерение является основным элементом как для квалификации акта, так и для создания его правовых последствий. Из нового определения исчезло прилагательное "самостоятельный". Тем не менее в нем должно подразумеваться, что для того, чтобы считаться таковым, односторонний акт должен создавать правовые последствия самостоятельно, то есть независимо от любого волеизъявления другого субъекта международного права. Самостоятельность является важным критерием для определения исключительно одностороннего характера акта. Поэтому, если в предпринятом Комиссией международного права исследовании будут рассматриваться только односторонние акты, никак не связанные с существующими обычными или договорными нормами, возникает немалая опасность в значительной мере лишить этот вопрос интереса. Хотя делегация Франции в связи с обсуждением первого доклада и указала, что она согласна с подходом Комиссии международного права к вопросу об изъятии односторонних актов, прямо регулируемых договорным правом, она, тем не менее, не считает, что изъятию подлежат и те акты, которые способствуют осуществлению уже принятых норм.

116. В связи с этим в данной редакции представляется уместной ссылка на уведомление об одностороннем акте его адресата, будь то государство или международная организация. Поэтому с учетом практики государств следовало бы обсудить, каким образом можно довести данный акт до сведения его адресата. Представляется также разумной замена формулировки "создавать правовые обязательства" формулировкой "вызывать правовые последствия". Действительно, односторонние акты не только создают правовые последствия, но и могут стать средством для сохранения прав, а иногда даже для их приобретения.

117. Новая статья 3 касается лиц, правомочных совершать односторонние акты от имени государств. Никаких особых трудностей, связанных с обоими пунктами этой статьи, не возникает, если не считать проверки практики государств, упомянутой в пункте 2. Делегацию Франции удовлетворяет факт изъятия пункта 3 из прежней статьи 4, в соответствии с которой "главы дипломатических представительств государства аккредитации и представители государства, аккредитованные при международной конференции или международной организации или при одном из их органов", также могут совершать односторонние акты от имени государства. Делегация Франции по-прежнему считает, что они не должны рассматриваться как лица, правоспособные выступать в одностороннем порядке от имени государств, которые они представляют на международном уровне, за исключением случаев получения ими особых полномочий. Здесь также следовало бы свериться с практикой государств. Поэтому прямое использование пункта 2 статьи 7 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года в качестве основы для данной формулировки, как это было предложено, представляется не самым удачным решением этой проблемы.

118. В соответствии с положением статьи 4, односторонний акт, совершенный лицом, которое, исходя из статьи 3, неправомочно действовать от имени государства, "не вызывает правовых последствий, если только он впоследствии прямо не подтвержден данным государством". Принцип этой статьи представляется приемлемым. Что касается молчаливого согласия, то есть вопроса, который вызвал дискуссию в Комиссии международного права в связи с обсуждением статьи 4, то его нельзя приравнивать к одностороннему акту, поскольку оно не может рассматриваться как недвусмысленное волеизъявление. Поэтому факт его исключения вызывает удовлетворение. В связи со статьей 5, касающейся недействительности односторонних актов, предложение воспроизвести нормы, применяемые в договорных актах, в неизменном виде и применять их к односторонним актам, кажется сомнительным. Стоит вновь напомнить, что при обсуждении вопроса односторонних актов главное – это практика государств. Рабочей группе следует продолжить разработку критериев действительности и недействительности одностороннего акта.

119. В заключение представитель Франции указывает, что его делегация выступает за то, чтобы в работе над проектами статей учитывалось различие между общими нормами, которые можно применять ко всем односторонним актам, и специфическими нормами, применимыми к особым категориям односторонних актов. Она также согласна с тем, чтобы в рамках рассмотрения специальных категорий односторонних актов Специальный докладчик уделил внимание прежде всего тем актам, которые создают правовые обязательства для государства, формулирующего акт.

Заседание закрывается в 18 ч. 00 м.